

ЛИРИЧЕСКИЙ ТРИПТИХ А. БЛОКА

В статье рассматриваются три стихотворения Блока («О доблестях, о подвигах, о славе...» 1908 и «Забывшие Тебя», 1908–1914 и «Когда замрут отчаянье и злоба...», 1908) как обладающие сюжетно-тематическим единством и образующие своеобразный лирический триптих. Это наблюдение сделано на основе анализа чернового автографа, в котором фрагменты трех названных стихотворений составляют единый текст.

Ключевые слова: лирический триптих; сюжетно-тематическое единство; черновой автограф; автобиографический контекст.

Три стихотворения Блока, два из которых – «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908) и «Забывшие Тебя» (1908–1914) – вошли в цикл «Возмездие», а третье – «Когда замрут отчаянье и злоба...» (1908) в раздел третьего тома «Разные стихотворения», – обладают сюжетно-тематическим единством и могут рассматриваться как своеобразный лирический триптих. Это наблюдение подтверждает черновой автограф Записной книжки (ЗК 22, 1 августа 1908 г.), в котором фрагменты трех названных стихотворений составляют единый текст (ПАСС III: 264–265)¹.

Исследуемый черновой автограф открывается строками, которые практически без изменений войдут в третье, завершающее триптих стихотворение «Когда замрут отчаянье и злоба...». О нем пойдет речь позднее. Далее в черновом автографе следует хорошо известное четверостишие, открывающее стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе...», также в окончательном варианте. Середину стихотворения занимают варианты, из которых выстроится текст стихотворения «Забывшие тебя». Этот текст плотно спаян с вариантами продолжения стихотворения «О доблестях, о подвигах, о славе...». Финал чернового автографа также полностью совпадает с финалом окончательной редакции этого стихотворения. Таким образом, стихотворение «Забывшие Тебя» в черновом автографе входило в со-

став стихотворения «О доблестях, о подвигах, о славе...» и только к концу 1908 г. было выведено как самостоятельный текст, который окончательное оформление получил в 1914 г. (Ш: 43–44, 264–266, 642–645).

Хорошо известный поэтический текст Блока – «О доблестях, о подвигах, о славе...» – имеет отчетливо автобиографический контекст и интимно-лирическую интонацию:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на суетной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роєм...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла.

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Стихотворение «Забывшие Тебя», связанное в своем первоначальном замысле в составе чернового автографа с той, которая ушла, сохранило эту связь: героиня, став далекой, преображается в сознании поэта во все тот же обожествленный женственный образ, местоименное обращение к которо-

му – Ты – еще со времен «Стихов о Прекрасной Даме» означено прописной буквой: «Забывшие Тебя».

Однако заголовок – «Забывшие Тебя», – откликающийся в завершающем стихе модуляцией в единственное число: «Забывшему Тебя» и замыкающий стихотворение в кольцо, в таком виде едва ли мог относиться к конкретному лицу автобиографического подтекста, подобно тому как это происходит в стихотворении «О доблести, о подвигах, о славе...». Первоначальный вариант, соединяющий эти два текста, подтверждает высказанное предположение: в четверостишии, которое станет первым в стихотворении «О доблестях, о подвигах, о славе...», обращение к героине со строчной буквы (*Когда **твое** лицо в простой оправе*) подразумевает вполне земной образ, точнее – его портрет. Знаменательно и то, что среди пробных вариантов этой строки были: *Когда **твой** лик* и *Когда **твой** милый лик*. Высокое архаическое слово *лик*, относимое в современном языке к божественному образу или иконе, приходило в противоречие с написанием *твой* со строчной буквы и, в конечном счете, с блоковским представлением о героине этого стихотворения. Таким образом, есть основание предположить, что первоначальный общий текст разделился в соответствии с ипостасью героини: земной женщины и Божественной Женственности. Контаминация этих двух воплощений в претексте не устраивала поэта, разделение произошло совершенно естественно и подсказало соответствующее оформление текстов.

В черновом автографе Записной книжки (ЗК 22) первоначальные варианты четверостиший, которые впоследствии будут разведены в разные стихотворения, объединяются в восьмистишие прежде всего заглавной буквой обращения *Тебя, Ты*:

Напрасный жар! Напрасные надежды!
Мечтали мы, мечтаний не любя,
И не было ни пищи, ни одежды,
Ни крова, ни свободы... ни Тебя!
Я звал Тебя – и Ты не оглянулась.

Я слезы лил – и Ты не снизошла.
Ты в серый плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Характерно, что заглавное *Ты* в пятом стихе было первоначально строчным (Ш: 265), но в восьмом стихе строчное *ты* осталось. Надо полагать, что и в предыдущем (*Ты в серый плащ печально завернулась*) не было бы заглавной буквы, если бы ею не открывалась стиховая строка.

И далее в двух четверостишиях, которые практически без изменений войдут в стихотворение, открывающее цикл «Возмездие», *ты* останется строчным.

В отделившемся стихотворении «О доблестях, о подвигах, о славе...» интимные «ты», «твое» со строчной буквы, многократно повторенные на протяжении стихотворения, создают замкнутую атмосферу глубоко личного переживания. Персонажный ряд состоит только из двух лиц – «я» и «ты». Место действия – дом поэта, где с ним была она, – маркировано в первом и последнем четверостишии предметом мебели («на столе», «со стола») и портретом («твое лицо в простой оправе», «в его простой оправе»). Пространственной антитезой «дому» становится «ночь» («Я бросил в ночь заветное кольцо»; «В сырую ночь ты из дому ушла»; «в сырую ночь ушла»). Время – продолженное прошлое – четко разделено роковым часом («Но час настал») на «до» ее ухода (первое четверостишие) и «после»:

Летели дни, крутись проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...

В этом круговороте бесцельных дней – воспоминание о ней («пред аналогом»), о ее уходе («Ты в синий плащ печально завернулась, / В сырую ночь ты из дому ушла»). Настоящее – забвение («Я забыл прекрасное лицо») и сон («Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий, / В котором ты в сырую ночь ушла»). Будущего – нет («Уж не мечтать...»; «Все миновалось»; «Своей рукой убрал я со стола»).

Целый ряд образов в стихотворении «Забывшие Тебя» прорастает из предшествующего стихотворения и перекликается с ним. Прежде всего зачин: «И час настал». В истоках – евангельский («не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий...» Мф 25, 13; «еще не пришел мой час» Ин 2, 4 и др.), но включивший и поэтическую традицию (Ф.И. Тютчев: «Но час настал, пробил... Молитесь Богу...» в стихотворении «Я лютеран люблю богослуженье...» (1834) (III: 646)), он становится знаковым в контексте эсхатологических ожиданий символистов. У самого Блока формула наступления рокового часа повторяется во многих текстах 1908 г. («На поле Куликовом»: «Теперь твой час настал. – Молись!» (III: 173); в «Песне Судьбы»: «не знаю, что делать, не должен, не настал мой час! <...> жду всем сердцем того, кто придет и скажет: “Пробил твой час! Пора!”» (СС 4: 149)²).

Пронзительная деталь ее ухода – *синий плащ* (в одном из вариантов ЧА – *серый плащ*) – в контексте символики *плаща* как предмета одежды, знаменующего закрытость, тайну, отчуждение, непреходимую границу, одиночество, подчеркивается еще и цветом – *синий*, знаковым в блоковском символизме, означающим далекость, недоступность мечты, желанность и недостижимость. Этот комплекс смыслов усилен жестом и действием: *завернулась... ушла. Плащ* укрывает ее не только от ночной непогоды, но и от того, чей дом она покидает. В ее волевом уходе нет торжества победительницы: казалось бы, она уходит в новую жизнь: «Ты отдала свою судьбу другому», но, по сути, «в сырую ночь», в неприютность. Уход совершается не по причине новой любви, но от *гордыни*:

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла.

В стихотворении «Забывшие Тебя» *плащ* как символ ухода сохраняется, но теперь он не связан с персоналией, а выступает как обобщенный символ времени («Свой плащ скрутило время»), в котором дом покидает

не один только лирический герой, но *толпа, народ, женщины и дети*.

Смысл ветхозаветного «Исхода» отчетливо прочитывается в этом тексте:

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой – туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной – толпа сопутников моих,
Нам не сияло небо голубое,
И солнце – в тучах грозовых.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар. Напрасные скитанья.
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так – суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

Ассоциацию с Исходом³ поддерживает метафора: «И меч блеснул, и стены разошлись»⁴, отдающаяся реминисценцией меча, рассекающего толщу Чермного моря. Образ «двух расплеснутых стен» уже звучал у Блока в стихотворении, датированном 25 января 1906 г., за которым с очевидностью стоит библейская история исхода из рабства:

Мы подошли – и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот – вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.

Трудности и испытания долгого пути, ропот народа, усталость вождей, гнев и отчаяние ведомых, грозовые тучи, громы и молнии, сопровождающие идущих, – за всем этим угадывается известная библейская история. Одновременно своим стержневым сюжетом это стихотворение перекликается с «Дионисом Гиперборейским». Люди не просто преодолевают пространство длиной в сорок лет, но берут высоту, поднимаются неуклонно в гору, *в туманную и злую высь: За кручами опять открылись кручи...* Обесилевший герой *отстал, ушел из строя*. Отличие от «Диониса Гиперборейского» в том, что он не один противостоит «героизму» Вождя: за ним – *толпа сопутников*. Если в первом четверостишии: «И я пошел с толпой – туда, за всеми», то теперь, с середины стихотворения – «За мной – толпа сопутников моих». Теперь сам герой выступает предводителем. В его отречении от круч и вершин – иной героизм: это уже не восхождение, а *скитанья* в надежде *отыскать пути*.

В наброске «Дионис Гиперборейский» (ЗК 15) «на скитанья среди скал» обречены «слабые и усталые, отчаявшиеся в пути»⁴. Герой здесь не с теми, кто ушел выше вслед за Вождем, и не с другими, *нисхождение* к которым «было бы для него бесконечной тоской и проклятием». «Этот юноша остается *ОДИН В ЛЕДЯНЫХ ГОРАХ* <...>. Он готов погибнуть. *НО ПОЕТ* в нем какая-то *МЕРА ПУТИ*, им пройденного (та мера, которую исполняет человек в присутствии божества)» <выделено курсивом и заглавными буквами Блоком – *И.П.*>. *МЕРА* приводит в гармонию «плоть и дух познавший», знаменует самопознание, ведет к обретению чаемого. На настойчивый зов юноши «*ОТВЕТСТВУЕТ* ему Ее низкий голос».

В стихотворении «Забывшие Тебя» скитания слабых и уставших, среди которых – лирический герой («мы»), бесплодны, они не могут вернуться в прошлое («И прежних хижин не могли найти»), но для них нет и будущего, и хотя они еще помнят о своей мечте *отыскать пути*, они все менее верят ей. Блуждающие во тьме, в ночи («И у ночных костров схо-

дьясь, дрожали»), под грозовым небом, – без солнца («Нам не сияло небо голубое, И солнце – в тучах грозовых»), без светоносной и направляющей памяти о «присутствии божества», беспомощны и обречены на вечные скитанья, на утрату мечты, радости, любви:

Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так – суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

Отпочковавшееся от первоначального комплекса чернового автографы, это стихотворение продолжает сохранять свою связь с героиней, преобразившейся в вечный образ красоты, света, истины и любви. Но это может быть и сам Бог, который в столпе облачном и огненном ведет тех, в ком сильна вера и знание о Нем. Забывшие Бога обречены на бесцельность скитаний. В стихотворении «Он занесен – сей жезл железный...», 1914 (III: 144) Блок сам произвел подмену: «Сияние Ее Лица» имело в одном из предварительных вариантов: «Сиянье Божьего Лица» (III: 459).

Тема забвения в стихотворении «Забывшие Тебя» прорастает из пратекста, оформившегося в первое стихотворение 1908 г., в котором само слово в разных видовых формах (*забывал*, *забыл*) звучит дважды. В первом случае – в первой строфе – речь идет о забвении суетных устремлений, связанных с проявлениями героики («О доблестях, о подвигах, о славе»), перед *ее* образом, явленном на портрете. Это даже не сама *она*, а отраженное сияние *ее* лица «в простой оправе». Во второй строфе, после *ее* ухода – «я забыл прекрасное лицо», и это забвение катастрофично, оно ввергает героя в бесцельный и бессмысленный водоворот жизни. Лишь воспоминание о *ней*, юной и прекрасной невесте («пред аналогом»), выводит его из состояния забвения и, несмотря на ее безответность, возвращает к этой любви.

В построении стихотворения есть противоречие между образом и действиями героини: сияние ее лица на портрете соотносимо с сиянием божества, в то время как ее действия («ушла из дому», «отдала свою судь-

бу другому», «не оглянулась», «не снизошла», «в синий плащ печально за-вернулась», «из дому ушла» и др.) говорят о ней как о несчастной в любви земной женщине. Но именно к ней, к земной, с которой связаны боль и страдание, возвращается в своих снах и мыслях поэт, а эмблему любви – ее портрет («лицо в простой оправе») он из своей жизни «убирает».

В последнем стихотворении триптиха поэт находит пути соотнесения ЕЕ земной и божественной, человека и эмблемы:

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Все та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой, туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.

Разведенные по *разным полюсам земли* (можно ли быть дальше?) земной страстью и злобой, они, погруженные в сон, как бы прорываются за грань земного бытия, времени и пространства: «Идут часы походкою столетий, / И сны встают в земной дали». Поэт видит в ней тот незабвенный образ, который некогда явился ему, «там, над горой, туманной и зубчатой, / В лучах немеркнувшей зари», и показывает ЕГО ей, земной, прошедшей через *злую и страстную ночь*: «Смотри:». Две ипостаси героини – земная и небесная – соприсутствуют в своем отчужденно раздвоенном бытии в сознании поэта. Невозможно «убрать», стереть из памяти этот однажды явившийся образ, подобно тому, как герой первого в этом триптихе стихотворения убирает со стола портрет. И его невозможно «забыть», как забыл герой второго стихотворения, потерявший главный ориентир в поисках пути. Это тот самый «ослепительно яркий свет», который ведет героя через

отчаянье и сомнения, помогает преодолеть «падения» и «уклонения».

---

¹ Блок А.А. Полное академическое собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. III. М., 1997. С. 43–44; 92; 264–266; 343–344; 643–647; 775–777. Здесь и далее ссылки на это издание (ПАСС) см. в тексте в скобках с указанием тома римской цифрой и страницы – арабской. Отсылки к опубликованному в этом издании черновому автографу будут обозначены в тексте как ЧА.

² Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. М.; Л., 1961. С. 149.

³ Под этим заголовком было напечатано стихотворение «Идут часы, и дни, и годы...» (4 октября 1910 г.) в «Антологии» издательства «Мусагет» (1911) (ПАСС III: 600).

⁴ В комментарии ПАСС к этому образу говорится «о гибельных разрушениях и бедствиях, которые обрушиваются как отмщение на всех “жестоких сердцем, далеких от правды”» с отсылкой к библейским пророкам: (Ис., XLVI. 12). (ПАСС III: 647). Такое толкование не раскрывает смысла образа и всего стихотворения.

⁴ Блок А. Записные книжки 1901 – 1920. М., 1965. С. 88–89.